

Даль Владимир Иванович

Про мышь зубастую да про воробья богатого

Владимир Иванович Даль

Про мышь зубастую да про воробья богатого

Пришла старуха и стала сказывать про деревенское раздолье: про ключи студёные, про луга зелёные, про леса дремучие, про хлебы хлебистые да про ярицу яристую. Это не сказка, а присказка, сказка будет впереди.

Жил-был в селе мужичок, крестьянин исправный, и работы не боялся, и о людях печаловался: коли кто был в горе да в нужде, всяк к нему за советом шел, а коли у кого было хлеба в недостатке, шли к его закрому, как к своему. У кого хлеб родился сам-четверт, сам-пят, а у него нередко и сам-десять (в четыре, в пять, в десять раз больше. - Ред.)! Сожнет мужичок хлеб, свезет в овин, перечтет снопы и каждый десятый сноп в стороне отложит, примолвя: "Это на долю бедной братьи".

Услыхав такие речи, воробей зачирикал во весь рот:

- Чив, чив, чив! Мужичок полон овин хлеба навалил, да и на нашу братью видимо-невидимо отложил!

- Ш-ш-ш, не кричи во весь рот! - пропищала мышь-пискунья. - Не то все услышат: налетит ваша братья, крылатая стая, всё по зернышку разнесет, весь закром склюет, и нам ничего не достанется!

Трудновато было воробью молчать, да делать нечего: мышка больно строго ему пригрозила. Вот слетел воробей со стрехи на пол да, подсев к мышке, стал тихонько чирикать:

- Давай-де, мышка-норышка, сошьем себе по гнездышку - я под стрехой, ты в подполье - и станем жить да быть да хозяйской подачкой питаться, и будет у нас все вместе, все пополам.

Мышка согласилась. Вот и зажили они вдвоем; живут год, живут другой, а на третий стал амбар ветшать; про новый хлеб хозяин выстроил другой амбар, а в старом зерна оставалось намале (мало. - Ред.). Мышка-норышка это дело смекнула, раскинула умом и

порешила, что коли ей одной забрать все зерно, то более достанется, чем с воробьем пополам. Вот прогрызла она в половице в закроме дыру, зерно высыпалось в подполье, а воробей и не видал того, как весь хлеб ушел к мышке в нору. Стал воробей поглядывать: где зерно? Зерна не видать; он туда, сюда - нет нигде ни зернышка; стал воробей к мышке в нору стучаться:

- Тук, тук, чив, чив, чив, дома ли, сударушка мышка? А мышка в ответ:

- Чего ты тут расчирикался? Убирайся, и без тебя голова болит!

Заглянул воробей в подполье да как увидал там хлеба ворох, так пуще прежнего зачирикал:

- Ах ты, мышь подпольная, вишь что затеяла! Да где ж твоя правда? Уговор был: всё поровну, всё пополам, а ты это что делаешь? Взяла да и обобрала товарища!

- И-и! - пропищала мышка-норышка. - Вольно тебе старое помнить. Я так ничего знать не знаю и помнить не помню!

Нечего делать, стал воробей мышке кланяться, упрашивать, а она как выскочит, как начнет его щипать, только перья полетели!

Рассердился и воробей, взлетел на крышу и зачирикал так, что со всего округа воробьи слетелись, видимо-невидимо. Всю крышу обсели и ну товарищеву дело разбирать; всё по ниточке разобрали и на том порешили, чтобы к звериному царю всем миром с челобитьем лететь. Снялись, полетели, только небо запестрело. Вот прилетели они к звериному царю, зачирикали, защебетали, так что у царя Льва в ушах зазвенело, а он в ту пору прилег было отдохнуть. Зевнул Лев, потянулся, да и говорит:

- Коли попусту слетелись, так убирайтесь восвояси, - спать хочу; а коли дело есть до меня, то говори один. Это петь хорошо вместе, а говорить порознь!

Вот и выскочил воробышек, что побойчее других, и стал так сказывать дело:

- Лев-государь, вот так и так: наш брат воробей положил уговор с твоей холопкой, мышью зубастой, жить в одном амбаре, есть из одного закрома до последнего зерна; прожили они так без мала три года, а как стал хлеб к концу подходить, мышь подпольная и слукавила - прогрызла в закроме дыру и выпустила зерно к себе в подполье; брат воробей стал ее унимать, усовещивать, а она, злодейка,

так его ощипала кругом, что стыдно в люди показаться. Повели, царь, мышь ту казнить, а всё зерно истцу-воробью отдать; коли же ты, государь, нас с мышью не рассудишь, так мы полетим к своему царю с челобитной!

- И давно бы так, идите к своему Орлу! - сказал Лев, потянулся и опять заснул.

Туча тучей поднялась стая воробьиная с челобитьем к Орлу на звериного царя да на его холопку-мышь. Выслушал царь Орел да как гаркнет орлиным клёкотом:

- Позвать сюда трубача!

А грач-трубач уж тут как тут, стоит перед Орлом тише воды, ниже травы.

- Труби, трубач, великий сбор моим богатырям: беркутам, соколам, коршунам, ястребам, лебедям, гусям и всему птичьему роду, чтобы клювы точили, когти вострили; будет-де вам пир на весь мир. А тому ли звериному царю разлетную грамоту носи: за то-де, что ты царь - потатчик, присяги не памятуешь, своих зверишек в страхе не держишь, наших пернатых жалоб не разбираешь, вот за то-де и подымается на тебя тьма-тьмущая, сила великая; и чтобы тебе, царю, выходить со своими зверишками на поле Арекское, к дубу Веретенскому.

Тем временем, выспавшись, проснулся Лев и, выслушав трубача-бирюча, зарычал на все свое царство звериное. Сбежались барсы, волки, медведи, весь крупный и мелкий зверь, и становились они у того дуба заветного.

И налетела на них туча грозная, непросветная, с вожаком своим, с царем Орлом, и бились обе рати не отдыхаючи три часа и три минуты, друг друга одолевая; а как нагрянула запасная сила, ночная птица, пугач ли сова, тут зубастый зверь-мышь первый наутек пошел. Доложили о том докладчики звериному царю. Рассердился Лев-государь на зубастую мышь:

- Ах ты, мышь, мелюзга подпольная, из-за тебя, мелкой сошки, бился я, не жалеючи себя, а ты же первая тыл показала!

Тут велел Лев отбой бить, замиренья просить; а весь награбленный хлеб присудил воробью отдать, мышь подпольную, буде найдется, ему же, воробью, головою выдать. Мышь не нашли,

сказывают: "Сбежала-де со страху за тридевятъ земель, в тридесятое царство, не в наше государство".

Воробышек разжился, и стал у него что ни день, то праздник, гостей видимо-невидимо, вся крыша вплотную засажена воробьями, и чирикают они на все село былину про мышъ подпольную, про воробья богатого да про свою удалъ молодецкую.